МОРСКИЕ ПОВЕСТИ

ОЛЕГ СПИЦЫН

ЗА ДАЛЬНИЙ ПОХОД

к Островам Бессмертия

Олег Спицын

За Дальний Поход к Островам Бессмертия

Серия «Морские повести», книга 4

https://litres.ru/72786226
SelfPub; 2026

Аннотация

Океанские просторы манили Бенгалика приключениями, но подали ему совсем иную судьбу: тень трибунала, давление системы и могущественный враг, решивший уничтожить его. Теперь его путешествие к островам Бессмертия оборачивается битвой за собственное будущее, где на карту поставлено всё: честь, свобода и единственная встреча с любимой, ради которой стоит жить.

Содержание

Повесть №4 4

Пролог. Призрак «Призрака», «Хронология исторических событий» и другие нюансы гексалогии 4

Глава 1. Легендарный Шаман 10

Глава 2. Прощание с Б-213 и перевод на Б-397 21

Глава 3. Команда-банда батьки Шелковенко 28

Глава 4. Большой сбор – дело серьёзное! 33

Глава 5. Беседа по душам в офицерской кают-компании 41

Глава 6. Гипнотический взгляд умирающей крысы 47

Глава 7. Тюха раздора. Принцип Домино 55

Конец ознакомительного фрагмента. 59

За Дальний Поход к Островам Бессмертия

Повесть №4

Пролог. Призрак «Призрака», «Хронология исторических событий» и другие нюансы гексалогии

Я слыхал, друзья мои,
Что на белом свете,
Где-то на Краю Земли,
Есть Острова Бессмертия!
Кто его достоин
И сам чего-то стоит
Из людей
Спеши туда и не жалей,
Ни о чём не жалей!

Строки из песни «Острова Бессмертия» (автор: Олег Спицын), одноимённый альбом №12

Уважаемые читатели, перед вами четвёртая часть саги «Морские повести». Её название – «За Дальний Поход к Островам Бессмертия». По объёму информации эта книга получилась в два раза больше, чем любая из трёх предыдущих повестей.

Но для начала я должен извиниться перед всеми своими читателями, ведь в трёх предыдущих книгах постоянно указывал на намерение в конечном итоге написать пенталогию – пять повестей, но теперь, когда полностью завершена её четвёртая часть, ко мне пришло осознание, что к пенталогии придется добавить ещё одну часть, шестую по счёту. Иначе пятая повесть окажется перегружена чрезмерно большим объёмом информации, и мне, чего доброго, придётся её уже назвать романом. В конечном итоге я должен написать шесть повестей, то есть гексалогию.

Что касается четвёртой части, то она включила в себя наибольшее количество художественных образов и вставок, содержащих стихотворные строки моих песен и прозаические фрагменты текста двух ранних романов. К числу этих цитат относятся двенадцать эпиграфов и послесловие ко всей повести.

В этот раз я решил единым списком уже в прологе повести №4 указать наименования произведений, внёсших свою долю в её создание. Это песни «За Дальний Поход», «Острова Бессмертия» - 2, «Ждёт меня Бригантина», «Морская Звез-

да», «Роза без шипов», «Есть люди такие», «Неподвластный смерти», «Вольный Край», «Одиссей нашего времени» и «Курс на Край Земли». Как указывалось выше, внесли свой посильный вклад также и романы – «Извилистый путь Железных Ангелов» и «Банда Бритоголовых Медведей» (по одному эпиграфу).

Надо сказать, что все перечисленные песни были мною сочинены, а затем и включены в авторские альбомы ещё задолго до написания данного повествовательного цикла.

Но вернёмся к прозе жизни. Не только четвёртая часть, но и вся сага написана по воспоминаниям непосредственного участника всех описываемых в ней приключений. Мы с ним договорились называть его Аликом (флотский позывной - Бенгалик).

Герои саги названы их действительными именами, но часто вместо фамилий, как и в случае с Аликом-Бенгаликом, я пишу их позывные и прозвища. Фамилии представителей командования в основном мной изменены, кроме некоторых.

Так я решил оставить без изменений фамилию командира подводной лодки Б-397. Этот цикл посвящён всем моим флотским друзьям, но прежде всего памяти двух людей: моему флотскому побратиму, главному корабельному старшине Владимиру Атясову, и нашему с ним командиру - капитану второго ранга Василию Степановичу Шелковенко. Царствия Небесного им обоим. А чем ближе в своём повествовании я

приближался к рассказу о Дальнем Походе, тем больше приходил к мысли, что не смогу даже одной буквой изменить фамилию моего капитана.

Вся команда Б-397 уважительно называла Василия Степановича Папой, иногда Батькой. Как помню, во времена моей службы на флоте все экипажи подводных лодок очень уважали своих командиров. А как иначе ты можешь относиться к человеку, под началом которого ты прошёл в надводном и подводном положении тысячи морских миль, благополучно избежав всех смертельных опасностей?

Ещё одна любопытная информация: «Покоритель морей», о котором рассказывается на страницах повестей №4 и №5 (в прологе о нём подробно распространяться не буду), – отнюдь не вымысел автора, а стопроцентная жизненная реальность. Его приключенческая эпопея началась с создания матросом-мотористом подлодки Б-397 Василием Мурашовым одного художественного шедевра, которому Вася, его создатель, дал название «Призрак».

В те времена из-под руки Василия Мурашова вышло большое количество произведений, но именно «Призраку» выпала роль найти своё отражение ещё и в моих скромных трудах. Дело в том, что его мистический Образ оказал некое подспудное влияние на сочинение мной в разные годы жизни около десятка музыкальных композиций на морские темы.

А всего по следам событий, рассказанных в саге, я написал более сорока песен, и поэтические строки большинства

из них читатели могут встретить на страницах всех шести её частей в виде эпиграфов и послесловий.

Возвращаясь к мистическому Образу, надо сказать, что его воздействие, похоже, продолжается до сих пор: те приключения, в которых непосредственным или призрачным участником являлся «Вольный Корсар» (ещё одно название «Покорителя морей»), уже появились и в моих прозаических произведениях, начиная с повести №4.

Кроме анонса о творчестве Василия Мурашова, хочу здесь сразу упомянуть и о литературном опусе, о котором также рассказывает данная книга. Речь идёт о личном дневнике Алексея Техзиба, другого моториста Б-397, матроса того же призыва, что мотыль Вася Мураш и метрист Алик-Бенгалик. Сам Алексей свой дневник однажды назвал «Хронологией исторических событий».

Начиная с этой повести, я ещё упоминаю о творчестве флотских бардов. Имена и фамилии этих ребят в нашей стране также широкой публике неизвестны. Автор саги по прошествии лет их тоже, к сожалению, не помнит.

И последнее: в прологах к трём предыдущим повестям мной указывалось, что каждая из них, хоть и является органическим продолжением саги, но создавалась и как отдельное, самостоятельное произведение. Этот принцип относится и к повести №4, но в этот раз я рекомендую читателям перед четвёртой частью цикла сначала прочитать все его предыдущие части, начиная с повести «Затмение Цветочной

Луны».

Глава 1. Легендарный Шаман

Эл Бэрримор могучим был пиратом,
Он чёрту был родным, наверно, братом!
В одном сражении он лишился уха,
В другом ему проткнули левый глаз,
Но Эл от ран не падал духом
И оставался лучшим среди нас!

Строки из песни «Неподвластный смерти» (автор: Олег Спицын), альбом №14 «Творец Мечты»

В Приморье пришла третья декада октября: днями – температурные качели от плюс двенадцати градусов и до минусовых значений, ночами – иногда чуть выше нуля, но чаще гораздо ниже этой отметки. Верхневахтенные у сходней охраняемых ими подлодок в тёмное время суток стоят, одетые в тёплые флотские бушлаты. Полторы недели назад рядом с Б-213 (рассказ о которой в основном и шёл в трёх предыдущих повестях гексалогии) пришвартовалась подлодка Б-85 из той же девятнадцатой бригады, недавно вернувшаяся из своего дальнего плавания. Теперь ей, как и Б-213, предстоял длительный заводской ремонт.

Вечер воскресного дня. Бенгалик, только что заступивший на верхнюю вахту, медленно сошёл по сходням на набережную с карабином на правом плече, направляясь к небольшой дощатой будке. Эта будка была установлена для караульных Б-213 всего полмесяца назад, но верхневахтенные, раньше находившиеся под открытым небом, сразу же оценили преимущества дежурства в этом тесном помещении: ветер со стороны моря больше не гнобит, дожди стучат по крыше будки, а не по голове, ночами и в выходные дни можно слегка и подремать.

Однако Алика ждало разочарование: в будке уже расположился верхневахтенный с Б-85, атлетического сложения черноусый моряк с тремя лычками на погонах бушлата - старшина первой статьи. Он, присев там на самодельное сиденье, сладко похрапывал, совсем позабыв о подлодке, вверенной его «надёжной защите».

– Вот это действительно настоящий часовой! – прошептал Бенгалик, усмехнувшись. – Верный курс держишь, товарищ карабинер!

Вдруг «товарищ карабинер», встрепенувшись, вскочил на ноги. Несколько секунд он глядел на верхневахтенного с Б-213 широко раскрытыми тёмно-карими глазами, потом приветливо промолвил:

– Салют, братан! Занял твоё место?

– Да ладно, – благодушно ответил Бенгалик, – ты же пришёл из тропиков и сразу в наши холода, а в будочке всё же

потеплее будет, чем на открытом воздухе! – Метрист помнил, как экипаж подлодки Б-33, пришедший из похода по южным морям в наш холодный январь, чуть ли не весь свалился от жестоких простуд.

Моряк, бросив на него признательный взгляд, кивнул головой и… тут же вышел из будки.

– Эт-точно, но пора привыкать и к нашей действительности. Жара, брат, хоть костей и не ломит, но от неё тоже с ума спрыгнуть можно. – Черноусый сделал широкий жест рукой, показывая на небо и землю Приморья: – А вот такая погода – истинная благодать для тех, кто побывал в тропической парилке!

Тут Бенгалику пришло на память, как в начале этого лета его вместе с электриком Володей Коврижных хотели списать с Б-213 на Б-85, чтобы затем на гражданском лайнере отправить в сомалийский порт Бербера, где в то время находилась Б-85 (повесть №2, главы 10 и 11). Выходит, он тоже мог бы побывать в той же «тропической парилке» за компанию с этим черноусым старшиной. Однако такое путешествие не сложилось ни у него, ни у Ковриги.

– Тебя как зовут? – спросил Бенгалик старшину.

– Володя, – ответил тот, улыбнувшись и протянув ему руку. Алик, пожав крепкую ладонь моряка, в ответ назвал своё имя.

Володя, надвинув на лоб чёрную пилотку и закурив сигарету, стал пускать дым кольцами вверх, при этом флегма-

тично наблюдая, как те постепенно растворяются над его головой.

– Володя, а можешь мне рассказать, где бывал, как морячил? – спросил черноусого Алик.

– Да, поморячить пришлось вдоволь, – с задумчивым видом начал рассказывать старшина, – более года вдали от России-матушки: Африка, Индия, другие южные страны – где только ни бывали! Жарень несусветная, муссоны, ливни тропические, на поверхности моря постоянная качка баллов не меньше восьми, а то и больше. А однажды в такую штормину угодили!.. – Он покачал головой: – Не дай божок… не дай божок, ещё раз пережить такую свистопляску!

И тут моряк с Б-85, всё более и более увлекаясь своим рассказом, пустился в воспоминания о дальнем плавании. Рассказчиком он оказался необыкновенным. Перед внутренним взором Бенгалика вдруг появились безбрежные океанские просторы; южные экзотические страны, окутанные золотистым маревом, распростёрлись вдали по линии горизонта; таинственные острова, поросшие густой тропической растительностью, лежали прямо по курсу корабля; огромные валы в открытом море кидали маленькую подлодку, будто играя с ней в футбол…

– Да-а, – с завистью протянул Бенгалик, – и повезло же тебе! Где ещё увидишь такое? Тут, что ли? – И он хотел уже поведать новому знакомому, что вполне мог бы оказаться в составе экипажа Б-85, но черноусый в этот момент с жаром

воскликнул:

– Конечно, брат! Я первое время здесь просто места себе найти не мог, так привык к разного рода приключениям! За те три с половиной недели, что мы вернулись из нашего похода, уже сбегал, пожалуй, в десяток самоходов. Ха! Ты вот думаешь: и почему он тут торчит на верхней вахте с «берданкой» на плече? – Мореман с презрением потряс своим карабином. – Знай, это мне – в наказание! Да-да, так начальство решило наказать меня за свободолюбие!

И «свободолюбивый» моряк стал рассказывать, в какие он попадал переделки во время своих самоходов.

Так вот, сразу же после возвращения из похода ему довелось помахаться аж с тремя здоровенными гражданскими парнями, приревновавшими его к одной местной красавице. И он, конечно, должен был обязательно одержать победу в том неравном кулачном бою. Ведь какие только подвиги моряк военного флота ни совершит ради своей Прекрасной Дамы!

Правда, в той драке ему покарябали ногтями правое ухо и чуть не проткнули палкой левый глаз – своих, понимаешь ли, кулаков этим подонкам оказалось мало! – но, даже используя подручные средства, эти крысы с ним справиться не смогли и были вынуждены признать своё поражение. Вот так.

В другой раз ему – ну просто деваться было некуда! – пришлось выпрыгивать из окна второго этажа женской общаги. Правую ногу прилично потянул при приземлении, но это

ещё дико повезло – не сломал ведь!

А в третий раз он еле-еле унёс ноги, удирая одновременно от флотского и армейского патрулей, которые плечом к плечу, высунув языки до этих самых плеч, гнались за ним с мыса Чуркина аж до самого Золотого Рога! Причём преследовали они его ещё и в сообществе с разъярёнными, как индийские буйволы, ментами Владика, но всю эту разноформенную гоп-компанию он оставил с большим сопливым носом.

А совсем недавно он – и снова в одиночку – свалил в самоход на открытую танцплощадку, что находится поблизости от Золотого Рога. Там у него было назначено свидание с той самой возлюбленной, из-за которой он махался с тремя задиристыми верзилами. Но, как видно, на пути их любви судьба разбросала множество препятствий, которые надо было преодолеть.

Встречается он, значит, там со своей Любовью, как вдруг – надо же было такому случиться! – на том «дансинге» оказываются ещё и двое из тех верзил, кому он давеча прилично надраил «физиогномии».

Так вот, эти бакланы, не веря больше в свои собственные силы, решили натравить на него, вышедшего целым и невредимым из свирепых океанских бурь, компанию подвыпивших юнцов! Он, конечно, сражается как лев, но врагов так много, что ему срочно пришлось возвращаться на лодку. Но это было отнюдь не трусливое бегство с поля битвы, он вернулся лишь для того, чтобы объявить на своём корабле боe-

вую тревогу!

И вот что было дальше. Вся команда Б-85, решив отомстить за своего морского брата и не слушая запретов вахтенного офицера, в полном составе прибегает на танцплощадку. И тут такое начинается!.. Никакими словами не описать!

Короче, морской «десант» одерживает полную и безоговорочную победу над юнцами, которые, конечно, были «зеленью», но «зеленью» многочисленной, почти в два раза превосходившей команду Б-85 по количеству воинствующих рыл. А как же иначе? Русские моряки во все исторические времена всегда были готовы жизни свои отдать, но ни в чём не посрамить традиций морского братства и чести своего непобедимого военного флота!

И вот он снова, уже без помех, встречается со своей Любашей. Она в полном экстазе бросается ему на шею, обнимает, целует, и тут-то ребята к нему подводят тех двух ребятишек, зачинщиков всего этого побоища. Добросердечная Люба просит отпустить этих низких провокаторов с миром, и он, конечно, не может проигнорировать её просьбу. Но, отпуская задир, он всё же налаживает каждому из них хорошего пенделя «в кормовой отсек» – а чтобы летели с попутным ветром нужным курсом и всю оставшуюся жизнь помнили, как неблагоразумно покушаться на жизнь и честь моряка-подводника!

И теперь, после всех этих событий, он уже несколько раз

по-прежнему в одиночку наведывался на эту танцплощадку для встреч со своей Любой, и местная молодёжь опасалась на него даже косо взглянуть!

Алик уже был наслышан обо всех этих крутых похождениях. Лишь только Б-85 пришвартовалась поблизости от его лодки, среди моряков Б-213 стали ходить многочисленные истории о прикольном быте и авантюрных приключениях её лихой команды. О некоторых происшествиях даже заговорили офицеры Б-213, а о других рассказывали и сами моряки Б-85. Но сомневаться в их достоверности было бы нелепо – многие факты из рассказанного постоянно подтверждались.

Бенгалик вспомнил, что особенно на слуху были истории о похождениях некоего Шамана, такого отчаянного марсофлота, какого Тихоокеанский флот ещё не видывал. Поэтому он, не удержавшись, остановил рассказчика:

– Погоди-ка, Володя, мне кое-что из этого недавно рассказывали наши ребята. Но извини, героем всех этих приключений называли вовсе не тебя, а моряка с позывным «Шаман»!

Володя, бросив на собеседника странный взгляд, немного помолчал, будто обдумывая только что услышанное, а потом промолвил негромко и абсолютно без всякой помпы:

– Так я и есть Шаман. – И, заметив удивлённые глаза Бенгалика, с улыбкой подтвердил свои слова:

– Да-да, я – Шаман. Шаман – моя флотская специальность, а в последнее время меня все так стали называть, обратив специальность в прозвище.

Теперь Бенгалику стало понятно, почему черноусый старшина пренебрежительно назвал свой карабин берданкой – ведь он по специальности был шаманом, то есть самой "белой костью флота" из всех прочих его костей!

К тому же из-за того, что специалисты этой сверхбелой косточки обычно на верхней вахте не стоят, а сей представитель и вовсе стал невероятно популярной личностью – ну просто звездой Тихоокеанского флота! – ему и в голову не пришло, что стоявший рядом с ним на верхней вахте Володя, простой в поведении парень, и есть тот самый легендарный Шаман!

– Ну-у, брат, – растерянно выдохнул Бенгалик, – было приятно познакомиться!

– Добро, капитан, мне тоже! – улыбнулась легендарная личность, ещё раз протягивая руку метристу Б-213. – А фамилия моя – Осипов. Давай уж будем с тобой знакомы без всяких недомолвок.

– Согласен.

– А тебя вроде зовут Аликом? – решил уточнить Осипов.

– Да, – подтвердил метрист, – Аликом.

– Интересно, – вдруг задумчиво промолвил Володя Осипов (Шаман), – твоё имя рифмуется со словом «Бенгалик».

– Бенгалик?! – изумился моряк с Б-213, совершенно неожиданно услыхав своё прозвище из уст бывалого моремана. – Почему моё имя рифмуется именно с этим словом?!

– Да просто недавно мне рассказывали о приключениях

парня с твоей подлодки, у которого такое погоняло, – пояснил Шаман. – Этот рассказ меня заинтересовал. Понимаешь, я же видел Бенгальский залив, а теперь вдруг слышу про похождения моряка с позывным «Бенгал» с соседней Б-213! И мне, конечно, захотелось с этим Бенгалом познакомиться.

– Считай, что познакомился, – сказал Алик и, заметив недоумение собеседника, промолвил с улыбкой, но абсолютно без всякой помпы: – Так я и есть Бенгал.

– Ты Бенгал? – в свою очередь удивился Шаман. – А я-то тут всё о своих похождениях распинаюсь! Уже сам себе надоел! Давай-ка, братишка, теперь твоя очередь рассказывать, но для начала поведай, почему тебя прозвали именно так?..

– Да-а, – с задумчивым видом протянул Володя, дослушав до конца историю Алика о его несостоявшемся путешествии на лайнере в Берберу, – жаль, что ты тогда не попал на нашу лодку! Как было бы здорово, если бы мы в походе были вместе!

– Но так всё вышло, – грустно вздохнул Бенгалик, – а как вернули меня на Б-213, так до сих пор на ней яблони с грушами и околачиваю, что по осени расцветают при туманах, плывущих над рекой.

Шаман, улыбнувшись его шутке, вдруг заявил на полном серьёзе:

– А вот туманы, плывущие над морями, – не фантастика,

а реальность, и потому без классного метриста на подлодке никак нельзя! Так что, Алик, попробуй-ка попасть на Б-397.

– Почему именно на неё? – поинтересовался «классный метрист».

– Сейчас эта лодка постоянно морячит, а в конце этой осени должна уйти в свой поход и, ходят слухи, как раз туда, где несла боевую службу наша Б-85. Сейчас на неё идёт набор опытных моряков со всей бригады, отслуживших не более двух лет. Дерзай, у тебя есть шанс!

– Что ж, если такой шанс есть, то его надо использовать! – согласился Бенгалик, услыхавший в голосе бывалого моремана уважение к названной лодке и сразу же в глубине души решивший этой же осенью во что бы то ни стало уйти на ней в дальний поход.

Вот так и вышло, что случайное знакомство Бенгалика с Легендарным Шаманом помогло романтику наконец-то оказаться в просторах морей. Эпитет «легендарный» для данного персонажа повести здесь написан с большой буквы не ради прикола. Этот морской волк такой эпитет заслужил по многим уважительным причинам, тем более что в дальнейшем на страницах гексалогии появится ещё один персонаж с позывным "Шаман" (и шаман по специальности), но автор саги «наградит» его уже совсем другими эпитетами.

Глава 2. Прощание с Б-213 и перевод на Б-397

Не надо, не надо прощаний,
Не надо сомнений и слёз –
Меня манят ветры скитаний
И в дождь, и в жару, и в мороз!

Не надо, не надо прощаний,
Пусть бури и ждут нас вдали,
Меня манят ветры скитаний
И поиски Новой Земли!

Строки из песни «Ждёт меня Бригантина» (автор: Олег Спицын), альбом №1 «Железные Ангелы»

Здесь мы не будем подробно рассказывать, каким образом метристу удалось попасть на Б-397, поведаем только, что его уход с Б-213 оказался с грустинкой. Вообще-то, грустинка – довольно мягко сказано. Прощание было по-настоящему печальным. При расставании с командой романтик вдруг осознал, что последние несколько месяцев его службы на Б-213 сложились для него удачно.

Он имел в команде авторитет, и настолько крепкий, что практически уже начал вести себя на лодке как старослужащий: перестал бачковать, не участвовал с молодёжью во влажных приборках, отпустил усы, не отслужив ещё даже полных полутора лет. Это было хоть и небольшим, но всё же нарушением флотских понятий, ведь всем остальным матросам, не отслужившим положенных двух лет, тогдашние годки приказывали усы сбривать.

В общем, Бенгалик на Б-213 вёл себя уже как годок, изумляя своей борзостью даже мотористов своего призыва: Владимира Атясова (позывной Матяс), Сергея Андреева (Серж) и Виктора Нечаева (Чифир), парней далеко не робкого десятка.

За время службы на Б-213 у него появилось много друзей-приятелей и практически не осталось недоброжелателей. А что касается моряков его призыва, то они ему были как родные братья. Надо сказать, что и командир подлодки, и весь её офицерский состав по службе к метристу претензий не имели.

Три недели назад на должность старпома Б-213 был назначен старший лейтенант Алексей Константинович Алфёров (Алёша). С этим офицером у нашего героя вообще были неплохие отношения, основанные на взаимном понимании и уважении. А вот капитан-лейтенант Юрий Владимирович Петраковский (Босс), с которым у Бенгалика были постоянные рамсы, как раз в это время с должности старпома Б-213

был переведён старпомом на подлодку Б-397. Однако Алик, решившись на свой перевод, по этому поводу заморачиваться не стал.

Теперь всё: прощай, подлодка Б-213; прощай, родной экипаж; прощайте, верные друзья; прощай, любимый город, ведь завтра он уходит в море. Поэтому не надо… не надо сентиментальных прощаний и горьких слёз!

Кстати, с Тюхой он тоже прощался навсегда. Теперь она останется лишь в его воспоминаниях. Что ж, появляться ему там всё равно опасно, тем более что зеленоглазая Ирина на этом предприятии больше не работает.

Но, честно говоря, за время, прошедшее с момента их встречи, образ этой девушки в его памяти прилично потускнел. А вот образ кареглазой Гали, наоборот, стал гораздо ярче, ведь с ней он общался совсем недавно, причём та встреча получилась невероятно богатой на эмоции (повесть №3, глава 8). Только вот после того общения с загадочной Кареглазкой в его сознании всё очень запуталось. Мало того, воспоминания о той встрече его уже просто достали…

Нет, пора, пора скорее уходить в свой Дальний Поход, ведь там появятся новые острые впечатления, которые заставят его позабыть об этой гордой Гале. Впечатлений будет множество: опасные бури, коварные туманы, встающие из бездны скалы, постоянные погружения и всплытия, поросшие пальмами острова с живущими на них полудикими туземцами и, конечно, с привлекательными шоколадными де-

вушками.

Надо признаться, Бенгалик так поверил в подобные будущие впечатления по нескольким причинам.

Во-первых, он ориентировался на рассказы своего родного дяди по отцу, незадолго до него также служившего подводником в девятнадцатой бригаде ПЛ. Этот морской дядя служил акустиком на лодке 611 проекта, и ему довелось побывать в дальнем походе как раз в тех самых экзотических краях. Причём его лодка ходила туда с дружественными визитами, а в такое плавание мечтает сходить каждый моряк.

Во-вторых, Алик поверил пылким фантазиям электрика Володи Коврижных, его друга и земляка, когда их обоих летом хотели списать с Б-213 на Б-85, в то время находившуюся в Индийском океане.

В-третьих, он уже несколько раз убеждался, что многое из того, что ему приснилось в том июньском сне, в дальнейшем в том или ином виде сбывалось. Так почему бы таким приключениям не случиться и в этот раз?

И в-четвёртых, как раз именно о таком плавании ему и рассказывал Легендарный Шаман. Правда, этот мореман почему-то ничего не говорил о привлекательности девушек южных стран, упомянув пару раз лишь о приличной худобе тамошних женщин. Может, он просто любитель пухленьких девиц? Тогда ему надо бы познакомиться с голубоглазой «подпольщицей» с Тюхи, ведь она как раз именно такой комплекции! Причём Пухленькая и как личность необыкновен-

ная: до сих пор перед глазами Алика нет-нет да и появится её колоритный образ, а в ушах эхом разольётся загадочный замогильный голос (повесть №3, глава 4).

Вместе с Бенгаликом на Б-397 были списаны ещё несколько моряков с Б-213: торпедист Владимир Жидков (моряк его призыва), кок Андрей Вербицкий (призыва на полгода старше) и трое матросов младшего призыва. К новому месту службы все они поехали на бригадном автобусе.

Путь оказался неблизким. В описываемое нами время Б-397 стояла в бухте Чажма, в доке, где гражданские рабочие старательно готовили подлодку к дальним морским плаваниям: чистили и суричили цистерны, ремонтировали акустику и т. д. и т. п. Что касается моряков, то они красили механизмы в отсеках, делали приборки, занимались проворачиванием механизмов и аппаратуры, заступали на вахты по лодке и в своих кубриках, исполняли прочие обязанности по службе.

Так уж получилось, что Бенгалик уже во второй раз за время службы оказался в доке, и снова не с самого начала доковых работ, пропустив всю экзотическую атрибутику вхождения подводного корабля в это специализированное сооружение.

К тому же он уже во второй раз своим появлением на новом месте службы «выживал» из экипажа и с боевого поста Р-32 радиометриста Лёню Русакова. Впрочем, тот уже в на-

чале ноября уходил в запас, так что приход Алика на Б-397 просто способствовал его обратному списанию на не чужую для него Б-213, откуда он и демобилизовался через короткое время.

Команда Б-397 жила в четырёх кубриках, разбросанных по периметру дока, в центре бассейна которого стоял Его Величество подводный корабль.

Романтика дальних плаваний поселили в Северном кубрике, состоявшем из маленькой спаленки, спальни побольше, что служила одновременно и столовой, гальюна и умывальника. Спальни располагались справа от трапа, спускавшегося в это «металлическое жилище», а гальюн и умывальник находились слева от его ступенек.

Этот кубрик находился к сходням на лодку ближе всех остальных матросских помещений. В нём обитали моряки БЧ-1 (штурманская часть) и БЧ-4 – РТС (акустики, радисты, метристы, ЗАС, ОСНАЗ). Однако моряков самого старшего призыва там не оказалось. Оказывается, все они устроились в просторном Южном кубрике.

В этом кубрике жили все старослужащие представители БЧ-4 и РТС: командир отделения метристов старшина первой статьи Илья Овчинников (Илюша), командир отделения радистов Анатолий Фридрих (Толян), командир отделения ЗАС Юрий Пирогов (Пирог).

Скорее всего, они просто решили не расставаться со сво-

им годовским призывом, тем более что в Южном кубрике по выходным и праздничным дням крутили отечественные художественные фильмы и проводились собрания команды. В общем, годки получали все тридцать три удовольствия, не сходя с насиженного места.

Надо сказать, Бенгалик был вовсе не против такого уклада жизни: в Северном кубрике вместе с ним находились лишь матросы на полгода старше и на полгода младше его. Из его же призыва там оказались всего два моряка: командир отделения гидроакустиков Владимир Петренко (позывной Ваха) и радист Анатолий Подольский, которого все сослуживцы просто звали Толик.

Большинство матросов, что призвались на флот одновременно с метристом, жили большей частью в Восточном кубрике, самом дальнем от сходней на лодку и, соответственно, далеко от Бенгалика. Жидков был поселён в Западном кубрике, где обитала его минно-торпедная БЧ-3. Этот кубрик был расположен от сходней на лодку чуть дальше Северного.

Моряки Б-397 с гордостью величали свою подлодку, не так давно перебазировавшуюся с Камчатки во Владивосток, «гвардейской», а порой ещё и «дважды краснознамённой». При этом они шутливо называли себя «командой-бандой батьки Шелковенко». Командиром подлодки как раз и был легендарный моряк, капитан второго ранга Шелковенко Василий Степанович.

Глава 3. Команда-банда батьки Шелковенко

Уже скоро Бенгалик убедился, что такое «самовозвеличивание» имело вполне законные основания. На подлодке Б-397 царила так называемая «матросская демократия»: старослужащие моряки младшие призывы не угнетали, и молодёжь трудилась только исходя из распорядка дня, делая приборки в отсеках лодки да в кубриках дока, отрабатывая наряды на камбузе дока и бачкуя в своих отсеках.

Что касается ночных нарядов для наказания нарушителей корабельных уставов и флотских понятий, то на Б-397 их не было вовсе; даже за распорядком дня следили почему-то не старшины срочной службы, а мичманы и офицеры.

Как выяснилось позже, таково было распоряжение капитан-лейтенанта Петраковского, недавно назначенного на эту лодку старпомом. Ещё по одному приказу Петраковского именно офицеры и мичманы осуществляли надзор за выполнением всех командных работ, в том числе и авральных.

Эти странные распоряжения были главной стратегической ошибкой нового старпома в целой череде его тактических ошибок и просчётов в отношении команды Б-397. Поэтому, хоть он и проявлял отменное служебное рвение и вы-

сокие профессиональные качества, той железной дисциплины, что успешно им наводилась на Б-213, на его новом месте службы не было и в помине.

Дело в том, что бурная деятельность Босса в должности старшего помощника пришлась не по нраву всей команде Б-397, но особенно её старослужащим морякам, которые, как и Бенгалик в бытность на Б-213, сочли уважаемого Юрия Владимировича упрямым солдафоном и необузданным бурбоном, хотя и признавали в нём могучую, колоритную личность.

А уж если ты, имея хоть семь пядей во лбу, вошёл в конфликт со всей командой, причём такой отчаянной, то тут уж извини, дядя Босс, но абсолютно при любой своей удаче ты сразу от неё получишь сдачи! Вот как раз именно с такой вот «сдачи» и начнётся разворачивание панорамы основных событий нашей очередной морской эпопеи.

После сытного обеда, по закону Архимеда (а команду в доке кормили неплохо), полагается поспать – и все обитатели Северного кубрика дружно возлегли на свои койки. Бачковой Борис Путинцев, матрос двухметрового роста и могучего телосложения (позывной Мамонт), в темпе помыв посуду, также завалился на своё ложе и буквально через минуту уже мощно храпел в обе дырки, заглушая мерное сопение остальных отдыхающих.

Бенгалик, удивлённо оглядев всё это сонное царство, ре-

шил прилечь на свою постель, но башмаки всё же не снимать. Он хорошо помнил, что капитан-лейтенант Петраковский, будучи старпомом на Б-213, матросам на послеобеденный отдых всегда отводил не более пятнадцати минут: только-только приляжешь отдохнуть, как тут же слышатся крики дежурного: «Команде – Большой сбор! Построение на пирсе (или верхней палубе)».

Вот Алик и решил, что вряд ли Босс отказался от своих привычек и на новом месте службы. Ясное дело, что на Б-397 наш герой тоже не собирался бегать бобиком, но какой толк, когда сначала снимаешь башмаки, а потом тут же их обуваешь, ведь "подлежать-то" на койке всё равно не дадут.

– Большой сбор! – донёсся до слуха новобранца далёкий крик, как ответ на его мысли. – Команде построиться на верхней палубе лодки!

«Вот так, – мысленно усмехнулся Бенгалик, принимая сидячее положение, – что и следовало ожидать: наш разлюбезный дядя Босс может влёгкую изменить любой из своих многочисленных любовниц, но себе он не изменяет никогда!»

– Большой сбо-ор! – запело наверху сразу несколько голосов.

Новичок Б-397 встал на ноги и с удивлением огляделся: никто из обитателей Северного кубрика на этот «вокализ» не отреагировал, продолжая дрыхнуть как ни в чём не бывало.

– Большо-ой сбо-ор!!! – наверху надрывался уже целый хор, но обитатели кубрика по-прежнему на это «пение» не

обращали абсолютно никакого внимания.

Пусть Бенгалик на Б-213 и был противником каждодневных больших сборов, но тут всё же немного заволновался и решил на всякий пожарный толкнуть в бок Путинцева:

– Слушай, Боря, а там вроде как объявлен Большой сбор?

Мамонт Боря, изумлённо приоткрыв левый глаз, долго и непонимающе взирал на Бенгалика, а потом, пробурчав недовольным басом: «Ну и хрен с ним!», перевернулся на другой бок и захрапел пуще прежнего.

Старший матрос с Б-213 озадаченно почесал затылок: этот рулевой-сигнальщик, матрос Путинцев, отслужил на флоте на полгода меньше его, но ведёт себя уже круче, чем самые крутые годки на прежней лодке Бенгалика!

Да что там говорить, никто из старослужащих матросов Б-213 даже и мысли себе не мог позволить так откровенно игнорировать приказы Босса! На той лодке Босс имел непререкаемый авторитет, и ещё какой! А тут что творится? Здесь пренебрежение к Боссу выказывает не только Мамонт, весь Северный кубрик проявляет с ним солидарность! Ни один из его обитателей на команду «Большой сбор» даже краем уха не повёл и нежным шёпотом не отозвался!

Нет, ребята-октябрята, надо всё же выйти на стенку дока и посмотреть, что делается наверху. А вдруг вся остальная команда уже давно построилась, и тогда всем лежебокам Северного кубрика Босс устроит настоящий Международный женский день!

Бенгалик, поднявшись наверх, взглянул в направлении лодки. То, что он узрел, изумило его уже до самых глубин бунтарской души: на верхней палубе лодки стояла лишь кучка мичманов и офицеров, среди которых ростом и комплекцией выделялась могучая фигура старпома, в великом раздражении мерившая верхнюю палубу подводного корабля широченным военно-морским шагом. Однако, кроме верхневахтенного, уныло стоявшего с карабином на стенке дока у сходней на подлодку, поблизости от места построения не было видно ни одного матроса Б-397!

Глава 4. Большой сбор – дело серьёзное!

Метрист, потихоньку спустившись вниз по трапу, снова прилёг на койку. Обувь он по-прежнему не снимал, ведь было неясно, что может последовать дальше.

– Большой сбор!!! – послышался крик у самого входа в кубрик. Затем по трапу застучали торопливые шаги, и в помещение ворвались мичман средних лет и молодой лейтенант.

– Что здесь такое?! – возмутился офицер, увидев перед собой матросское сонное царство. – Ну-ка, подъём! Старпом объявил Большой сбор! Быстро встать и выходить строиться!

Все обитатели «разлюли-малины» наконец-то проснулись, но подниматься со своих лежачих мест не спешили. Бенгалик, видя такую картину, тоже продолжал подлёживать.

– Встать! – скомандовал ему лейтенант. – И марш наверх!

Бенгалик медленно сел. Присели на своих койках и молодые матросы: сигнальщики Боря Путинцев, Боря Фомин и Коля Черепанов, плюс один из акустиков, Пётр Савельев (позывной Мамочка), но вставать в полный рост не спешили. Матросы постарше тоже проснулись, но продолжали лежать,

будто совершенно не слыша энергичных команд старших по званию.

– Тарасюк, тебя что, контузило? – язвительно спросил мичман рослого усатого старшину второй статьи, лежавшего с открытыми глазами, без каких-либо попыток приподняться или хотя бы пошевелиться. – Не слыхал, что ли, слухач, команде объявлен Большой сбор!

– А по какому авральному случаю объявлен Большой сбор? – хладнокровно поинтересовался «слухач».

– Работать пора! – сердито ответил мичман.

– Вот и работай, – усмехнувшись, отвечал акустик, – а у меня остались ещё двадцать пять минут от «адмиральского часа»!

– Старпом объявил команде Большой сбор! – многозначительно произнёс лейтенант, подошедший к месту разговора. – Выходит, Пётр, так старпому и доложить, что тебе служить не хочется, ты больше думаешь, как бы с часок поспать?

Пётр лениво усмехнулся:

– Мне этот часок подарил адмирал, и не старпому, от нечего делать, его отнимать. Так ему и доложи. – Тарасюк не стал уточнять фамилию адмирала, подарившего ему этот «часок».

– Хорошо, – с угрозой в голосе произнёс лейтенант, – вот как ты мне сейчас сказал, так я ему и доложу!

– Будь ласков. А ещё доложи старпому, что Большой сбор – дело серьёзное, чтобы объявлять его каждый божий день

из одного только выпендрёжа! И успокойтесь, на построение мы скоро придём.

Лейтенант и мичман, ошеломлённые борзостью акустика, переглянулись и, что-то бормоча себе под нос, поднялись наверх, а «Тарасюк и Компания» стали не спеша готовиться к построению.

Бенгалик, которого снедало весёлое любопытство, снова первым из членов Северного кубрика поднялся на стенку дока. Там он увидел, с кое-какими изменениями, всё ту же картину: Босс, всем своим видом напоминая матёрого льва, запёртого в тесной клетке, теперь уже гневно мерил шагами стенку дока возле сходней на лодку – три-четыре шага туда, три-четыре обратно. Офицеров и мичманов возле него не было видно – похоже, разошлись по кубрикам доносить до команды приказ старпома о Большом сборе.

На верхней палубе лодки стояло лишь несколько старослужащих моряков, а по всему периметру дока виднелись остальные матросы «гвардейской команды», в одиночку и кучками медленно бредущие к месту построения. Но самое интересное: оказавшись за десяток шагов от Босса, все без исключения резко ускорялись и на сходни уже буквально вбегали, так что разъярённому старпому и придраться-то к кому-либо из них вроде как было не за что!

Бенгалик, проделав точно такую же «комбинацию», встал невдалеке от ограждения Рубки, с большим интересом наблюдая за продолжением «спектакля». Последними на по-

строение шли как раз матросы Северного кубрика, самого ближнего к месту события.

– А ну, бегом!!! – не вытерпев, проревел Босс, и матросы перешли на этакую ленивую трусцу.

А последним из команды оказался Пётр Тарасюк. Он от самого кубрика шёл в темпе ниже среднего, а проходя мимо старпома, даже не подумал ускориться. Босс кинул на него сердитый взгляд, но почему-то никаких враждебных действий не предпринял, только его зубы, как показалось Бенгалику, заскрежетали.

– Тарас, чего пешком бредёшь? Была команда «бегом»! – с усмешкой крикнул Петру голубоглазый длинноносый старшина первой статьи.

Этот моряк обладал высокой атлетической фигурой, можно сказать, что он выглядел поистине былинным богатырём. В то же время в его голосе отчётливо слышались властные интонации.

– Был молодым – бегал, – спокойно отвечал ему Тарас, ступая со сходней на лодку, – теперь пусть бегают другие.

И тут Бенгалик подумал: «Эти двое – явные лидеры в команде, но, похоже, не очень-то ладят между собой!»

В дальнейшем выяснится, что это предположение было не таким уж и далёким от истины.

И вот, наконец-то, команда в полном составе построена на корпусе лодки, и Босс с сумрачным видом выходит перед строем. По его лицу проплывают грозовые тучи, глаза мечут

молнии.

– Кому-то что-то было неясно?! – с гневом заговорил он. – Был объявлен Большой сбор, так?! – Он обвёл строй суровым взглядом. – Так? Или не так, спрашиваю?!

– Так точно, так! – подал свой голос могучий старшина.

В этом голосе, невзирая на согласие, странным образом слышалась ещё и насмешка, но старпом, по-видимому, расслышав только согласие, бросил в сторону богатыря благожелательный взгляд:

– Правильно, Сеня, а вот другие этого не понимают! Или не хотят понимать! Наше построение – и это по команде «Большой сбор»! – длилось целых сорок шесть минут! Сорок шесть минут!!! Как это называть, а?!

Босс вновь пробежался взглядом по шеренгам матросов, немного помолчал, а затем продолжил свою эмоциональную речь:

– Это форменное безобразие! Разгильдяйство – вот как это надо называть! Оборзели до крайности! Большой сбор – дело серьёзное, а вы все превратили его в посмешище, в позор для всего военного флота!!! Поэтому сейчас мы с вами будем учиться построениям по команде «Большой сбор». Предупреждаю: вышагивающим, подобно кисейным барышням, я тут же отпендюлю оборзевшие задницы!

И Босс для наглядности резко махнул вперёд правой ногой, по-видимому, изображая пендель в чью-то «оборзевшую задницу».

– Будьте уверены, последние разгильдяи от меня эту «боевую награду» обязательно получат! А сейчас… – Старпом, выдержав небольшую, но выразительную паузу, выпалил могучим басом:

– Бегом марш по кубрикам!!!

Матросы сломя голову бросились к сходням, которые угрожающе затряслись от топота множества ног. Команда в темпе разбегалась по своим кубрикам. Бенгалик в компании товарищей по кубрику добежал до своего жилища. Все смеялись и перебрасывались весёлыми шутками, словно участвовали в некой увлекательной игре.

Старшина второй статьи, чуть выше среднего роста и с энергичными чертами лица, подойдя к Тарасюку, произнёс с удивлённой иронией в голосе:

– Ничего себе, Петро, так у тебя ж, оказывается, с Боссом полное совпадение по всем основным вопросам!

– Это по каким ещё основным вопросам? – в свою очередь удивился тот. – Ну-ка, Вован, разъясняй!

– Что Большой сбор – дело серьёзное! – ответил Вован.

Все дружно расхохотались, а Бенгалик вспомнил, что ещё по приходу на Б-213 он первые три недели служил с этим моряком. В той команде этот Вован, по фамилии Новиков, числился осназовцем и был особенно дружен со своим тёзкой, электриком Калашниковым.

Оба этих матроса, невзирая на свой тогда ещё небольшой срок службы, вели себя как заправские супермены, только

Калаш излучал уверенность и хладнокровие, а Новик отличался отвагой и решительностью в поступках. Потом он был переведён на другую лодку, и вот Алик увидел его уже на Б-397.

– Большой сбор!!! – послышался далёкий крик.

«Интересно, а что дальше будет?!» – подумал метрист, уже ожидая от команды самого непредсказуемого поведения.

– Бегом!!! – донёсся львиный рык старпома, явно не желавшего шутить.

Все обитатели Северного кубрика со всех ног устремились к месту построения. Ясное дело, что они, используя близость кубрика, прибежали туда самыми первыми. За ними примчались матросы Западного кубрика. Чуть позже – Южного.

Все, благополучно оказавшиеся на корпусе подлодки, стали весёлыми криками подбадривать матросов Восточного кубрика, будто участвовали в каком-то спортивно-развлекательном шоу. А «восточные жители», памятуя угрозу старпома «про отпендюливание оборзевших задниц», неслись как спринтеры на Олимпийских играх – никому не хотелось оказаться последним!

– Вот так и надо строиться по команде «Большой сбор»! – Босс с удовлетворённым видом взглянул на наручные часы. – Старый результат перекрыт почти в семь раз! Это радует, но на будущее жду от вас более быстрых построений – и с первого же раза. Всем ясно?

Команда хранила таинственное молчание, которое авто-

ритарный Юрий Владимирович счёл за знак согласия.

Вот только ожидания старпома оказались напрасны: на следующий день первое послеобеденное построение по команде «Большой сбор» затянулось уже более чем на пятьдесят минут, и, хотя оно тут же снова было перекрыто в семь (или даже более) раз, Бенгалик заметил, что этот высокий результат уже не принёс Боссу былого удовлетворения. Похоже, до разума старпома стало доходить: команда над ним откровенно прикалывается!

Глава 5. Беседа по душам в офицерской кают-компании

– Ну что ж, мой друг, – тихо промолвил он с дружеской улыбкой, – сожалею, но разговора по душам у нас не получилось. – И тут в его правой руке вдруг появился пистолет!

Из романа Олега Спицына – Алексея Спицына «Банда Бритоголовых Медведей»

Бенгалик уже несколько дней обслуживал своё заведование на боевом посту Р-32 подлодки Б-397, тесно сотрудничая со своим командиром отделения Ильёй Овчинниковым. Они с Ильёй как-то сразу сошлись характерами. Было заметно, что Илья, улыбчивый парень и опытный моряк-радиометрист, оказался вполне доволен как знаниями своего нового товарища по специальности, так и его человеческими качествами. Был удовлетворён новым подчинённым и молодой командир БЧ-4 лейтенант Шавырин, который в деятельность БП Р-32 практически не вмешивался.

Что касается Алика, то он старался своих начальников ни в чём психологически не напрягать, по службе не подводить, все их указания выполняя мгновенно, без лишних слов и,

по возможности, на высоком уровне. На новом месте он вёл себя дисциплинированно. Впрочем, причин и возможностей для каких-либо самоходов и «битья баклуш» у него здесь не находилось.

Шёл очередной день службы. Бенгалик, получив от Ильи указания по службе, вышел из рубки радиометристов, намереваясь спуститься в трюм третьего отсека, как увидел стоявшего в Центральном Посту капитан-лейтенанта Петраковского.

– Бенгал, – вдруг обратился к нему Босс негромким голосом, – зайди-ка на пять минут в офицерскую кают-компанию.

Всю эту фразу он произнёс тоном, больше напоминавшим просьбу, чем приказание. Метрист, недоумевая, что бы всё это значило, зашёл в кают-компанию. Там никого не было. Секунд через пятнадцать появился старпом. Он тут же плотно прикрыл за собой переборочную дверь, и это насторожило Бенгалика:

«Интересно, что ему от меня надо? Неужто заметил, как меня смешат его большие сборы на Б-397?»

– Присаживайся, братец! – Петраковский, дружелюбно улыбнувшись, указал на обитое кожей сиденье. Алик сел подчёркнуто неторопливо.

– Ну, и как тебе служится на новом месте? – немного помолчав, мягко поинтересовался старпом.

Бенгалик, не зная, что ответить, сначала лишь плечами пожал, а потом, заметив, что офицер ждёт от него более определённого ответа, коротко вымолвил:

– Вполне нормально.

– Говоришь, нормально? По нашей команде не скучаешь?

– По какой? – решил уточнить Бенгалик.

– По Двести Тринадцатой.

Метрист задумался: действительно, несмотря на уважительное отношение к нему большинства новых сослуживцев, особенно матросов его призыва, здесь он порой чувствовал себя не в своей тарелке. На «гвардейской» Б-397 многие флотские понятия трактовались несколько иначе, чем на Б-213, а уж того братства, что было у него на прежнем месте службы с большинством матросов команды, обычным уважением не заменить. Но, как он уже понял, в этом экипаже даже обычное уважение дорогого стоит.

– Что же ты молчишь? – донёсся до слуха Бенгалика голос старпома.

Бенгалик взглянул на Босса:

– Товарищ капитан-лейтенант, теперь я служу на Б-397 – когда же мне скучать?

– В этом ты, конечно, прав, – с унылым видом согласился Босс, – скучать нам на службе некогда, однако насколько же экипаж Б-213 был сознательней этого, насколько был более дружным, сплочённым! А здесь что?.. – И он, недоговорив, огорчённо махнул рукой.

Алик прекрасно понимал, что мучает старпома. «Был более дружным, сплочённым…» – это серьёзно? Как раз в сплочённости команде Б-397 отказать было нельзя, но ведь эту «сплочённость» каждый понимает по-своему. Вряд ли кому-то, а особенно старослужащим матросам, может понравиться, когда им угрожают отпендюлить задницы, хотя бы эти угрозы исходили и от старшего помощника командира корабля! У всех моряков имеется чувство собственного достоинства. Кроме того, всегда есть люди, обладающие и повышенным чувством самоуважения. Взять, к примеру, того же Петра Тарасюка.

И ещё: Босс, лишь только появившись на Б-397, сразу же оказался в тени популярности её бывшего старпома, капитана третьего ранга Огородникова, морского волка, прошедшего с экипажем огонь, воду и медные трубы. Вся команда частенько его вспоминала, постоянно сравнивая с Петраковским, и это сравнение, увы, всегда оказывалось не в пользу последнего.

Опытные мореманы считали, что новый старпом или бесится с жиру, или старательно корчит из себя некоего адмирала Рожественского, антигероя русско-японской войны, прославившегося на всю Россию своим самодурством. Этот новоявленный «старпом-адмирал» тоже задолбал своими капризами, особенно большими сборами, не давая команде нормально отдохнуть в адмиральский час.

Но вот чего Босс хочет лично от него? Каких-нибудь слов

поддержки? Или, быть может, каких-то конкретных действий? Ну, к примеру, он с ним согласится, что команда Б-397 во всём уступает команде Б-213, что, конечно, не так, а если потом его суждение дойдёт до всё слышащих матросских ушей? И как, скажите на милость, ему потом тут служить? Ведь такие слова и поступки по всем флотским понятиям называются только одним словом – предательство!

– А здесь что? – повторил офицер, так и не дождавшись ответа от задумавшегося матроса.

– А здесь, товарищ капитан-лейтенант, Гвардейская Дважды Краснознамённая подлодка Буки-Триста Девяноста Семь! – на этот раз ответил офицеру матрос, не удержавшись от усмешки.

Босс, внимательно смотревший на Бенгалика, заметил эту усмешку и, по всей видимости, счёл её вместе с ответом за издёвку над собой.

– Ну что ж, всё ясно! – молвил он, сдвигая брови и снова принимая свой привычный суровый вид. – Иди же, Бенгал, на свой боевой пост и служи на новом месте так же образцово-показательно, как ты всегда это делал на Б-213! Сожалею, что тебя потревожил! Убедительно прошу о нашей беседе позабыть!

Уже ночью, лёжа в кубрике на койке и обдумывая произошедшее, Бенгалик пришёл к выводу, что старпом Петраковский, кого он со времён своего прихода на Б-213 считал гру-

боватым солдафоном, напыщенным буффоном, необузданного бурбоном и вообще чуть ли не личным врагом, этим днём искал в нём родственную душу. Об этом говорило всё, даже то, что он дружески ему улыбнулся и назвал Бенгалом. Искать-то он эту душу искал, но так и не смог найти!

«Но ведь можно было, не поддерживая старпома в его сравнении двух команд, как-нибудь поддержать морально: он же ко мне обратился как к старому товарищу с его любимой Б-213! А я над беднягой Юрием Владимировичем ещё и всё время насмехался, радуясь всем его просчётам и неудачам!»

И тут Бенгалика всё больше и больше стало терзать глубокое раскаяние за своё поведение, как будто во всех проблемах старпома был виноват только он один.

Глава 6. Гипнотический взгляд умирающей крысы

Ужин для команды приготовлен, хлеб сложен в мешки, суп разлит в большие переносные баки.

– Всё, – устало молвил кок Толиб Курбанов, узбек по национальности, которого матросы на лодке называли кто Толей, кто Курбанычем. – Сейчас бачковые придут, разнесут эти баки по кубрикам, и мы с тобой, Алик, будем свободны! Что скажешь?

Бенгалик в ответ только кивнул головой: всю последнюю неделю его через день назначали в камбузный наряд.

– Ужинать опять будешь тут или пойдёшь в свой кубрик? – поинтересовался Курбаныч.

– Тут, – ответил Бенгалик, – здесь я ужинаю сколько хочу и когда хочу, не дожидаясь своей очереди за столом.

Дело в том, что позавчера, в обед, на него наехал осназовец Вован Новиков, в своей привычной жёсткой манере заявивший:

«Здесь тебе не Двести Тринадцатая, и ты, товарищ метрист, ещё молод, чтобы садиться за обеденный стол вперёд старших!»

Новик, отслуживший на полгода больше метриста, оказав-

шись без места за столом, естественно, имел в виду себя. И тут Бенгалик, не удержавшись, ответил ему так же резко:

«Уж не настолько ты, товарищ осназовец (он в отместку также назвал Новика по его флотской специальности), больше меня отслужил, чтобы гнать из-за стола, как последнего салажонка!»

Ответ Алика мгновенно дошёл до ушей Петра Тарасюка, друга и годка Новикова. Они, по сути, и «королили» на пару на пространстве всего Северного кубрика. Тарас тут же вызвал Бенгалика на мужской разговор и в первый момент, решив сразу поставить пришлого метриста на место, повёл беседу в напористом, угрожающем тоне, однако, с удивлением заметив, что жёсткость его крутых выражений собеседника не смутила, в дальнейшем их несколько смягчил.

И только в заключение Пётр, снова напустив на себя грозный вид, строго предупредил Алика, чтобы он в дальнейшем вперёд его призыва за обеденный стол не садился. Метрист промолчал, уразумев, что на Б-397 такое положение имеет статус закона, но при этом заметил, что серые глаза Тараса как-то внимательно его изучают. Вот только враждебности в этих глазах он не заметил, одно только удивление, смешанное с интересом к борзому новобранцу команды Б-397.

– Точно, – согласился кок с Бенгаликом, которому метрист рассказал об этом случае. – Эти условности мне тоже не по душе! Так что, дружище, ужинай тут. Можешь к чаю

взять себе сто граммов сливочного масла. Оно лежит в морозильной камере холодильника.

– Спасибо, Толя! – поблагодарил Бенгалик. – Я, пожалуй, здесь останусь до самого отбоя, книжку какую-нибудь почитаю.

Рядом с камбузом находилось помещение, похожее на офицерскую кают-компанию; из мебели там были только диван и шкаф, в котором, маня разноцветными обложками, стояли стройными рядами книги классиков мировой литературы.

– А ты здесь и ночуй, – вдруг посоветовал кок, – как придёшь после вечерней поверки, ложись на диван и дрыхни, сколько хочешь, хоть до моего прихода. Утром приду, сразу же начнём работать.

– А можно?

– А почему нельзя?

– Тогда так и поступлю! – решил Бенгалик: в Северном кубрике подгодки команды, играя после отбоя в домино с гостями из других кубриков, эмоционально разговаривали, при этом ещё и с силой стучали по обеденному столу костяшками, мешая нормальному отдыху.

– Но сюда из трюма приходят крысы! – предупредил кок, уже уходя из камбуза. – Имей это в виду!

– Крысы? – Бенгалик произнёс это слово с равнодушным видом.

– Ты их не боишься? – тёмные глаза Курбаныча глядели

испытующе.

Бенгалик в ответ только отрицательно махнул рукой.

– Вижу, что не боишься, но, если почувствуешь страх, лучше сразу уходи отсюда: крысы чувствуют, когда их боятся, и могут напасть!

Бенгалик снисходительно усмехнулся и пошутил:

– Ничего, Курбаныч, у меня с крысами особые отношения.

– Ну, тогда спокойной тебе ночи!

И кок, высказав это дежурное пожелание, ушёл.

Поздним вечером Бенгалик, полулёжа на диване, читал роман американского писателя Фенимора Купера «Зверобой». Как было здорово погрузиться в иную жизнь! Вдруг лёгкий топоток вернул его в действительность – возле самого дивана прошмыгнула крыса.

Бенгалик, уставший за день, никаких враждебных действий против грызуна не предпринял, только взглядом проводил. Через некоторое время топот послышался вновь, и поблизости от дивана пробежала уже парочка представителей корабельной фауны. Грызуны явно становились всё более наглыми и агрессивными – всё удовольствие от прочтения книги куда-то испарилось.

– Ну, твари, я вам тут побегаю! – Матрос сходил на камбуз за картошкой.

После нескольких прицельных бросков крысы затаились,

и Бенгалик без помех опять мог погрузиться в приключения храброго Зверобоя.

Однако, когда книголюб, выключив свет, лёг спать, топоток возле дивана возобновился – и в гораздо более угрожающих масштабах. Бенгалик, включив свет на камбузе, приоткрыл переборку, чтобы свет попадал в его помещение, но число крыс всё увеличивалось. Спать, имея под боком таких непредсказуемых соседей, было совершенно невозможно.

– Что ж, – сердито молвил Бенгалик, обувая тяжёлые матросские ботинки, – похоже, моя доброта принимается вами за трусость, тогда придётся с вами разговаривать по-иному!

Возле дивана, хищно скалясь, возникла крыса больших размеров.

– Ага, – прохрипел главный герой саги, – а вот и он, крысиный король!

Крыса, не двигаясь, смотрела в упор на Бенгалика хитрыми глазками и загадочно молчала.

– Ну ты и наглючая!.. – начал матрос и вдруг, не договорив фразы, бросился на крысу. Та, испугавшись его нападения, устремилась к выходу из кают-компании и дальше – к трапу, ведущему в трюм.

Бенгалик, сломя голову, нёсся за крысиным королем. Из трюма по трапу,им навстречу лезла целая орда крыс, но своему предводителю она не только ничем не помогла, а откровенно помешала спастись от неумолимого преследователя. Грызун, наткнувшись на плотные ряды своих сородичей, бег

свой приостановил.

– Получай! – крикнул Бенгалик, с силой наступая крысе на задницу.

Раздался пронзительный визг. Напуганные крысы серым валом покатились в недра трюма, а вместе с ними, волоча задние лапы, уползла и жертва современного Зверобоя. Бенгалик крыс преследовать не стал, и в эту ночь никто ему спать больше не мешал.

Рано утром пришёл Курбанов.

– Ну и как тебе тут отдыхалось? – поинтересовался он у своего помощника.

– Просто замечательно! – ответил тот.

– Крысы не доставали? – полюбопытствовал кок.

– Нет, – коротко ответил метрист. Кок, изумлённо раскрыв глаза, недоверчиво покачал головой.

В одиннадцать часов местного времени Бенгалик, усевшись на баночку (по-флотски – на табуретку), стал чистить картошку к обеду для всей команды, а кок начал рубить мясо для супа.

И в это самое время, откуда ни возьмись, появилась большая крыса. Она шла так, будто её едва держали задние конечности. Она шаталась, вихлялась, выписывала во время движения какие-то замысловатые круги и эллипсоиды.

– Толя, здесь крыса! – предупредил кока Бенгалик. – Слева от тебя!

Курбаныч резко повернулся.

– Наверно, её возбудил запах мяса! – вымолвил он, чуть бледнея. – Средь бела дня – виданное ли дело! А может, она бешеная, а?! – И кок отодвинулся на всякий случай подальше: а вдруг эта крыса бросится на него и, укусив, заразит каким-нибудь бешенством!

– Не бойся! – беспечно засмеялся Бенгалик. – Скорее всего, она под кайфом! Смотри, как её, серую, штормит, болтает из стороны в сторону! Где-то выпила водочки, а теперь пришла к нам за мясцом для закусона!

Крыса, постояв немного, как бы в раздумье, вдруг грозно двинулась в сторону Бенгалика.

– Ей не понравились твои слова! – воскликнул донельзя изумлённый Курбаныч.

Бенгалик, тоже в полном изумлении, вскочил с баночки. И вовремя: крыса, резко рванувшись вперед, попыталась вцепиться ему в правую ногу. Наш герой в последнее мгновение успел отпрянуть в сторону – и крысиная атака результата не имела. Разъярённый Бенгалик уже собирался пнуть серого агрессора той самой, чуть было не укушенной, ногой, но вдруг увидел, что крыса пристально смотрит на него, завалившись на левый бок, будто в полном бессилии, но с явным желанием продолжать сражение.

– Что это с ней?! – Моряки, наклонившись, внимательно рассматривали грызуна, тело которого сотрясали непрерывные конвульсии.

– Предсмертная агония! – вполголоса произнёс кок, вы-

прямляясь.

– Да ведь у неё зад раздавлен! – почти прошептал Бенгалик, тоже выпрямившись. – Курбаныч, это я ей задницу вчера отпендюлил, а сегодня она пришла мне отомстить… или подать какой-то знак.

Глава 7. Тюха раздора. Принцип Домино

Праздничное утро седьмого ноября. Подъём военно-морского флага. Команда Б-397, построенная в два ряда, стоит на корпусе подлодки. Старпом, непривычно задумчивый, без своего обычного натиска в голосе, сначала недолго говорит о величии Октября, потом вкратце рассказывает подчинённым о насущных корабельных проблемах и, в завершение, объявляет свой новый приказ:

– Строевым старшиной команды назначается старшина первой статьи Головко, его помощником – старшина первой статьи Ляшко.

Итак, новый приказ вступил в действие. Для Бенгалика он означал многое: нижние чины корабля отстояли свои права, а мышление Босса, похоже, стало постепенно меняться – возможно, на него повлияли недавние многозначительные слова метриста о «гвардейской подлодке». Но самое главное: на авансцену жизни экипажа вновь выходят годки, которым старпом, несколько разуверившись в своих командирских способностях, теперь доверил укрепление пошатнувшейся дисциплины в команде.

Как раз это последнее обстоятельство немного обеспоко-

ило Бенгалика, и он после праздничного ужина решил по этому поводу поговорить с матросами своего призыва. К его удивлению, они отнеслись ко всему происходящему довольно равнодушно.

– А что, команде без строевого всё равно ж никак нельзя, – рассудительно высказал своё мнение моторист Вася Мурашов (позывной Мураш). – Рано иль поздно его бы назначили.

– И вообще, – с насмешливым видом заговорил электрик Саша Смоленский (Смольный), – надо ещё сказать спасибо Боссу, что ему не пришло в голову поставить на эту должность Буслая!

– Буслая? – Бенгалик уже не в первый раз слышал эту фамилию (или позывной), причём каждый раз в негативном аспекте, но только не знал, какому члену команды она принадлежит. – Это было бы плохо?

– Конечно, ещё тот сумасброд, – кивнул головой Мураш, – а Серёга Головко парень справедливый!

– Нам дико повезло! – подал свой голос смуглый Виктор Золотарёв (позывной Еврей – видимо, как уроженец Биробиджана). – Я уже думал, Босс точно назначит Буслая – нам всем в отместку!

– А кто он такой, этот Буслай? – поинтересовался Бенгалик.

– Такой морячок-здоровячок, – вступил в разговор моторист Саша Ерёменко (Ерёма), коренастый паренёк невысокого роста, с характерным прищуром лукавых глаз. – Он су-

щий деспот, любит совать свой длинный нос в любой вопрос! Блин, ну какой из Сеньки строевой, когда в одном только пятом от него и так продыху нет!

– А-а, – Бенгалик, услышав имя, догадался, о ком идёт речь, – вы говорите об этом богатыре… с таким длинным… – Он взглянул на Мураша.

– Шнобелем, – тут же подсказал Василий, улыбнувшись.

– Натуральный Буратино! – насмешливо добавил Ерёма, похоже, невзлюбивший Сеньку больше всех.

Все дружно расхохотались. Мотыль Ерёменко был неисправимым острословом, поэтому легко было представить ответные чувства к нему Сеньки Буслая, жёсткого годка, властного командира отделения мотористов.

– Значит, при Головко наша жизнь особо не ухудшится? – решил окончательно удостовериться Бенгалик.

– Ну-у, – протянул Вася с задумчивым видом и, почесав на затылке рыжеватые волосы, ответил: – Жизнь, конечно, всегда меняется: в чём-то становится лучше, в чём-то хуже… но мы всё переживём! – А потом вдруг озабоченно предупредил метриста:

– Но ты, Алик, будь поаккуратней! Володя Атясов мне рассказывал о твоих похождениях на Б-213, но нам-то ссориться со старослужащими ни к чему, ведь у нас тут морское братство и демократия. Доверие старших надо оправдывать!

– Постараюсь быть поаккуратней, – с улыбкой пообещал Бенгалик. У него было хорошее настроение, и, конечно, не

хотелось каких-либо проблем на новом месте службы.

Вечером следующего дня Бенгалик с Курбанычем, дружески беседуя на камбузе, пили свежезаваренный чай с тюхой вприкуску (если читатели помнят, так матросы называли бутерброд с маслом и сгущённым молоком). И вдруг у входа нарисовалась фигура Володи Новикова.

– Так, – многозначительно молвил представитель службы особого назначения, заходя в помещение камбуза с грозным видом, – сгущёнку, значит, лопаем! Команду объедаем!

Курбаныч, заметно побледнев, отложил своё кушанье в сторонку, и Бенгалик понял, что Новик сейчас начнёт на всю катушку качать права. Сладкая тюха сразу показалась ему какой-то невкусной. Однако он, невзирая на присутствие агрессивного гостя, решил в спокойном темпе продолжать свою трапезу.

– Что скажешь, Курбанов? – задал вопрос коку осназовец, мрачно покосившись на жующего метриста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.